

Анвар

Жолымбетов

ДРЕВНИЕ ТАТАРСКИЕ ПРЕДАНИЯ

РОЖДЕНИЕ БУЛГАРА

Было это в незапамятные времена, когда губительные волны всемирного потопа, ниспосланного Всевышним Аллахом в наказание человечеству, погрязшему в грехах безбожия и распутства, постепенно улеглись, моря и океаны успокоились, а реки наконец вернулись в свои русла.

Как известно, у старого Ноя – первого из пророков древности, ковчег которого прибило к горе Арарат, было три сына. Вместе с благочестивой женою своей, имя которой до нашего времени не дошло, и сыновьями, и теми птицами и зверьем, которых удалось спасти, старый провидец начал на земле новую жизнь. Одно из сыновей его звали Яфес. Когда Яфес возмужал и женился, у него также появилось три сына: Газый¹, Тюрк² и Алып³. Дети росли дружными, веселыми, отличались отменным здоровьем, а когда выросли, превратились в настоящих батыров, стройных, красивых, совсем как молодые кипарисы, что подпирали небо вокруг их селения.

Со временем, когда старшие Газый и Тюрк повзрослели, они внезапно рассорились. Можно было подумать, что между ними затесался Иблис⁴, нечистый, имеющий пристрастие возводить между людьми стену непонимания и ненависти. Ссора их затянулась, а позже переросла и в нескрываемую вражду. В конце концов они схватились за оружие. Долго они бились. Долго в яростном и неутомимом бою звенели и сверкали мечи их. То Тюрк одолевал Газыя, то Газый одолевал Тюрка. Кончилось тем, что Тюрк, оказавшийся более ловким, взял верх над братом, приставил к груди его меч и, возможно, убил бы его, но любовь к брату, которая еще не угасла в нем, не позволила пролить кровь. Однако миру между ними было уже не вернуться. Невзирая на слезы поседевшей от горя матери, на уговоры отца, Газый покинул родительский дом. Тюрка это повергло в кручину. Он чувствовал себя виноватым. Однажды он упал на колени перед старыми родителями, попросил у них благословения, оседлал коня и тоже отправился куда глаза глядят.

Попадется на пути его пустыня – в отчаянье и нисколько не раздумывая, пуститесь вглубь ее, в знойное, выжженное море барханов, то там, то здесь белеющих останками не то павших животных, не то людей, где свирепствовали львы, где

носились песчаные бури. Встанет горная гряда – поднимется в горы, преодолевая головокружительные кручи, скалы, бездонные пропасти. Стремительная река вскипит между крутых каменных берегов – бросится в самую ее стремнину, как будто ища себе погибели.

Долго он странствовал по свету, пока не оказался далеко-далеко на севере, в краю рек и озер, среди первозданных лесов, где зимы были настолько суровыми, что люди одевались в звериные шкуры. У одного озера, окруженного лесом, он наконец осел. Озеро то было богатым рыбой и настолько широким, что в некоторых местах противоположные берега его терялись из виду. Лес же изобилдовал зверьем, дичью, в поле паслись круторогие, косматые буйволы, пятнистые олени. Здесь Тюрк и поселился. Полностью отдался любимому делу – охоте, полюбил уединенье на озере. Под сенью кустов и деревьев, слушая бесконечное дивное пение птиц, бывало, до самых сумерек просиживал с удочкой, а то и сети забросит, не налюбуется на улов, на бьющуюся серебром рыбу, на первые звезды, отражающиеся в воде.

Что ни год, с наступлением осени, как только подуют северные ветры, нанося на озеро свинцовую рябь, Тюрк тщательно оттачивал нож, выламывал крепкую березовую рогатину и шел на медведя. В хозяйстве без медвежьего жира никак. Им и раны врачуют, и используют для освещения жилища. Мясо медвежье дает невероятную силу, а шкурами он укрывался в морозные зимние ночи.

Однажды в глубине леса он неожиданно наткнулся на Алып, младшего брата. Оказалось, тот его разыскивал, и уже не один месяц. Братья обнялись. Тюрк, обрадованный встречей, немедленно повел Алып домой. Накормил его, напоил. За угощением Алып поведал ему о родителях, что те сильно состарились, об их тоске по нему, по Тюрку, что о Газые никаких вестей, как в воду канул. Что старики просят его вернуться.

Тюрк опустил голову и горестно вздохнул.

– Как же мне воротиться? – сказал он. – Ты же сам говоришь: Газыя нет. А вдруг он погиб? Тогда его гибель на мне. Какими глазами я посмотрю на родителей?

К тому же Тюрк уже не мыслил себя без темных, дремучих лесов, как что-то живое и гигантское обступавших его крохотную хижину на берегу озера, которое каждое утро встречало его легким солнечным блеском, проглядывающим в камышах, без того образа жизни, сурового и полного опасностей, к которому он уже прикипел.

– Никому не известно, что ожидает нас в будущем, – сказал он задумчиво. – А пока, брат, доставь мне удовольствие, поживи у меня.

И стали они жить вместе. Когда Тюрк покинул родителей, Алып был еще мал и больше напоминал крупного и нескладного ребенка, но теперь Тюрк, к удовольствию своему, узрел перед собой истинного батыра. Алып был огромен и обладал такой невероятной силой, что одною рукой легко поднимал лошадь или корову, а если бы напряг всю свою мощь, мог бы и гору свернуть.

Алып тоже приглянулись новые места. Он согнул себе лук из молодой ивы, наготовил стрел и денно-нощно пропадал на охоте, удаляясь в лесные чащи или бродя по полям. Полюбил рыбачить. Вот только ноги у него были чересчур велики, и когда ему случалось попасть под дождь, сапоги его настолько тяжелели от раскисшей земли, что он уже не мог идти. Тогда он садился, снимал их и оббивал

о деревья, о пни. Старики-татары говорят, что холмы, возвышающиеся цепью по-над озером вдоль дороги из Бектемира до Матака⁵, и есть комья той самой земли, что в свое время попадали с сапог Алып.

Как-то раз Алып заблудился. Долго бродил он по лесу, то проваливаясь в болота, то блуждая во мраке глубоких и совершенно незнакомых оврагов, то пробираясь колючими тропами, проложенными неведомо каким зверем, пока наконец не выбрался к какой-то медленной и невероятно широкой реке, на берегу которой стояло селение. Узнав о его неприятностях, жители предложили ему пищу и кров. «Делать нечего, – подумал Алып, – отдохну, наберусь сил». На следующий день, едва солнечные лучи легли на порог небольшой, заросшей растениями хижины, в которой ему пришлось переночевать, поклонившись хозяевам, оказавшим ему гостеприимство, он отправился восвояси. Опять весь день проблуждал он по лесу, а к ночи, когда над лесом засияла луна, и лес огласился криками ночных птиц, непонятно каким образом воротился обратно.

Много раз в последующие дни пытался он найти дорогу домой, к брату, который наверняка не находил себе места. А ведь где-то далеко на юге, за гребнями гор, покрытых снегами, за далями пустынь и степей его и его брата, Тюрка, еще и старики ждали. Но все было напрасно. На какую бы тропу он ни вышел, покружив и попетляв в первозданном лесу, оглашаемом грозным звериным рыком, и уводя его то в чащу, полную непонятных теней и пылающих глаз, провожающих его во мраке, то на болота, над которыми среди черных, поваленных буреломов курились ядовитые туманы, то в какие-нибудь пади, кишашие змеями, она опять и опять приводила его обратно, на берег все той же реки, все к тем же людям, которые по-прежнему оставались к нему добры и благожелательны. Погоревал, погоревал юный батыр да и понял: видно, такова уж судьба. А вскоре и нашел себе девушку, женился. Соорудил хижину из длинных и крепких веток, такую же, как у других, укрыл ее от непогоды шкурами, выстлал мехом да и зажил с молодой женой, как говорится, душа в душу.

Нелишне заметить, что люди тогда, на заре цивилизации, еще не строили домов из бревен и теса, как в последующие столетия, ни, тем более, кирпичных.

Вскоре жена родила ему сына. Время было осеннее. На небо набежали тучи. Похолодало. Младенец заплакал. Мать решила, что он озяб, укрыла его потеплее, стала ему петь песни, принялась покачивать колыбель, но тот разревелся еще пуще. Тогда она дала ему грудь. Но и это не помогло. Причем, крича и заливаясь слезами, дитя беспрерывно и как-то очень уж отчаянно размахивало маленькими, пухлыми ручонками.

Алып это показалось странным.

– Эй, – прикрикнул он на сына, – как тебя там? Чего тебе не хватает?

Имени у ребенка еще не было. Обращение «Эй, как тебя там!» тогда, в древности, было в порядке вещей. Люди жили общинами, проходили годы, и к человеку, не без участия, конечно же, соплеменников, приставало какое-нибудь имя нарицательное, попросту говоря, кличка, соответственно его характеру или каким-нибудь физическим особенностям. Об этом свидетельствуют архаические корни некоторых современных, но явно пришедших из седой старины фамилий. К примеру, Медведев. Возможно, что пращур этого человека какими-то внешними чертами или физической силой напоминал медведя, хозяина леса. Безруков – ро-

доначальник этой фамилии скорее всего потерял руку. Времена были нелегкие. Не всякая охота заканчивалась благополучно. Случались и войны, и т. д.

А так как ребенок, отчаянно ревя и вырываясь из шкур и мехов, в которые был закутан, с каким-то загадочным упорством не переставал махать и махать ручонками, то отец и вовсе рассердился: «Не ребенок, а какой-то болгар!»⁶ И только он произнес слово «болгар», то есть – «трясущийся», «колышущийся» – ребенок замолк, словно к чему-то прислушиваясь. «Видно, имени-то ему и не хватало, – сказал отец. – Что ж, так его и назовем». После чего вынул ребенка из колыбели, поцеловал его в мокрое, покрасневшее личико и передал матери. Та тоже нежно поцеловала его и тихо, с любовью прошептала ему на ухо: «Дитя мое, имя твое – Болгар⁷. Помни. Да благословит тебя Небо!» И что удивительно, ребенок успокоился.

Спустя какое-то время у счастливых родителей появился еще один сын, которого назвали Буртас⁸.

Когда сыновья выросли и окрепли, то стали такими же батырами, как и их отец. Занимались охотой, прославились силой, удастью. А когда виски их покрыло сединой, основали каждый по городу и стали в них править.

Судя по легендам, древние руины, лежащие на берегу Волги, неподалеку от излучины, где Волга сливается с Камой, и есть остатки того самого города, который был возведен Булгаром, и которым в течение столетий правили мудрые и великие ханы – прямые его потомки.

Город, построенный Буртасом по другую сторону Волги, тоже получил имя своего основателя⁹.

Население двух этих городов постепенно росло, множилось, и через много лет два этих народа стали называться одни булгарами, другие буртасами. И те, и другие, столетия спустя образовали свои государства, заселили леса, степные пространства вокруг Волги и Камы. Государства их стали процветать, в языках же и образе жизни появилось различие, – может быть, потому что одни были землепашцами, другие постепенно превратились в кочевников. И уже трудно было поверить, что произошли они от одного предка – Алып, легендарного батыра древности.

¹ Газый (Огуз) – наименование одного из крупнейших тюркских племен. Легендарный прародитель современных огузоговорящих народов: туркмен, азербайджанцев, турок, уйгур, узбеков.

² Тюрк – легендарный прародитель тюрков.

³ Алып – традиционный мифический герой. В древнетюркском языке слово это истолковывалось как «богатырь», «смельчак». Алып – популярный герой татарских народных сказаний.

⁴ Иблис – в исламской мифологии злой дух.

⁵ Бектемир, Матак – аулы в нынешних районах Татарии (Урта Бектемир, Тубан Бектемир, Барзлы Матак, Югары Матак, Иске Матак).

⁶ Булгау – махать, трясти (тат.). У татар до сих пор существует поверие, что если ребенку долго не давать имени, он будет расти капризным.

⁷ Булгар – легендарный основатель государства Великая Булгария, существовавшего на берегах Волги и Камы вплоть до нашествия Чингизхана. Булгары – предки нынешних татар и чувашей, а также дунайских болгар и народностей, населяющих Северный Кавказ – балкарцев и карачаевцев.

⁸ Буртас – наименование тюркской народности, в средние века обитавшей по соседству с булгарами и кипчаками. После XVII века слово *буртас* как этноним уже не прослеживается. В Татарстане в районе Прикамья с этим мифическим именем связаны три аула: Олы Буртас, Кече Буртас, Урыс Буртас.

⁹ Буртас (Буртас шахари) – о подлинном его существовании исторической науке неизвестно.

О ТЮРКЕ И ЕГО БРАТЬЯХ

Вот еще одно предание, в котором повествуется о тюркских народах, ведущих свое начало от Яфеса, сына Ноя, но в качестве родоначальника булгар упоминается уже не Алып, а Гомари.

У Яфеса было одиннадцать сыновей: Газый, Тюрк, Чин, Саклаб, Гомари, Халлык, Хазар, Урус, Садесан, Барраж, Нимшан. Когда они выросли, отец их женил и каждому выделил свой удел. Однако любимцем у него оставался Тюрк – выдающийся воин, батыр и человек мудрый, не уступающий умом и прозорливостью, как говорили, и самому Яфесу.

Однажды, путешествуя по миру, сотворенному Всевышним, и пытаясь познать его, разведать глубины земли, в которых таятся сокрытыми от глаз величайшие сокровища, наблюдая за звездами, с наступлением ночи начинающими свое медленное вращение, принимая образы необыкновенных зверей, рыб и океанских чудовищ, сверкающих алмазами, Тюрк оказался в далекой, неведомой земле, от вида которой пришел в изумление. Его окружали высокие тенистые деревья, в которых безумолчно пели птицы, сочные луга, в которых бродили бесчисленные стада кротких и прекрасных джейранов, могучие буйволы с косматыми гривами скрывались в высокой траве. На полянах под корнями деревьев звенели ключи. Блестела вода, разливавшаяся ручьями. За зарослями камыша взору его представало огромное озеро, на глади которого, отражаясь, как в зеркале, плавали гуси, лебеди, утки и еще какие-то причудливого вида птицы, которым он и названия-то не знал, и было их видимо-невидимо.

Он уже собрался было сойти с коня, поохотиться, устроиться на отдых, как вдруг из леса показались люди, темные, дикие, одетые в звериные шкуры. В руках они угрожающе сжимали суковатые дубинки, кремниевые ножи, у некоторых были луки с вложенными в них стрелами. Однако, несмотря на воинственный вид, приблизившись к Тюрку, люди эти нерешительно остановились. Никогда еще обитателям этого лесного края не приходилось видеть такого знатного и могучего воина. С удивлением и даже с опаской взирали они на Тюрка, на огромного жеребца его, который недовольно косил на них взглядом. А конь у Тюрка и вправду был породистый, белый, в дымчатых яблоках, с широкою грудью. Жеребец то и дело вскидывал красивую, точеную голову, нервно похлестывал себя по бокам пышным хвостом и так злобно, неприязненно ржал, что окружающих брала оторопь.

Похожие животные водились и здесь, но намного мельче и невзрачнее; табуны их носились в степи; местные жители охотились на них, как и на прочую живность, употребляли их в пищу, теперь же оказывалось, что на них можно было и ездить.

Отважившись приблизиться на шаг, а после и на второй, а потом и вплотную, цокая языками, они с почти детским восхищением разглядывали металлическую кольчугу на могучей, дородной фигуре воина, который не без гордости восседал на огромном, сердитом своем скакуне, осторожно касались позолоченных лат его, по которым скользили, сверкая, солнечные блики, любовались шлемом его с развевающимся султаном из неведомого им изумрудного пуха и перьев райской птицы; дрожащими от волнения руками притрагивались они к кривому, тяжелому мечу его с рукоятью из слоновой кости, блестящему у бедра его драгоценными

каменьями, к щиту из воловьей кожи, обитому медными бляхами, и когда Тюрк наконец улыбнулся им и выказал расположение, они стали кланяться ему, глаза их загорелись радостью, восторгом, и, оживленно жестикулируя и восклицая что-то на незнакомом языке, они повели его в селение, где навстречу ему, видимо, уже предупрежденные, вышли вождь, крепкий и высокий старик с белой окладистой бородой, и ближайшее его окружение: шаман, военачальники, а там и все многочисленное племя высыпало из жилищ с криками удивления, оторопы и невероятным любопытством, написанным на лицах.

Вождь пригласил его в свою хижину, выделявшуюся размерами, где его ожидало угощение, а вечером в честь важного гостя были устроены ритуальные пляски при свете костра. Когда же в небе загорелись звезды, вождь и первые лица племени стали уговаривать его остаться.

В то время между племенами, которые были рассеяны в этих дремучих, первозданных лесах, происходило немало войн, и каждый мужчина, даже самый незавидный, был на счету. А уж такому воину, как Тюрк, могучему, в роскошных металлических доспехах, в этом краю еще не виданных, да к тому же управляющему с огромным, норовистым конем, всегда готовым то копытом огреть, то злобно выставляющим огромные желтые зубы, было бы радо любое племя.

Славному сыну Яфеса пришлось по душе и озеро, у которого расположилось селение, и темные, девственные леса, тянувшиеся вокруг, и сами люди, среди которых он оказался. Постепенно он научился их языку, познал их немудреные обычаи и решил уступить уговорам старого предводителя. Мужчины, успевшие сдружиться с ним, с удовольствием нарубили толстых и длинных веток, соорудили ему жилище. Женщины пошили ему одежду такую же, как и у их народа, из звериных шкур, красиво и с любовью украсив ее узорами, полированными камнями яшмы, малахита, жемчугом, который добывали в местных реках, а рукава и подол оторочили мехом.

Тюрк был человек деятельный, воинственный, отличавшийся не только невиданной силой и храбростью, но и сокровенными знаниями, полученными от Всевышнего. Поэтому, помимо того, что ходил в походы с людьми этого племени, подвергался с ними общим опасностям, праздновал с ними победы у костров, пылающих порой до утренней звезды, он научил их разыскивать и добывать руду, плавить железо, медь, ковать мечи, наконечники для копий и стрел, разводять и укрощать лошадей, научил воинов сражаться верхом, и вскоре племя, в котором он жил, стало самым сильным и почитаемым во всей округе. Охотники, отправлявшиеся в лес, уже не возвращались с пустыми руками. Женщины, старики и дети забыли, что такое голод и холод, и жили теперь в мире и благоденствии.

Вождь племени, полюбив его как сына, выдал за него красавицу дочь, а позже, состарившись, передал ему и бразды правления.

Многие местные племена, враждовавшие между собой, прониклись уважением к Тюрку и начали объединяться под его началом. Таким образом, спустя какое-то время Тюрка провозгласили каганом, и стал он не только властителем этого огромного лесного края, но также и прародителем многих и многих народов, постепенно, век за веком распространившихся едва ли не по всей земле. Народы эти стали называться тюркскими.

Как-то раз один из сыновей Тюрка по имени Фуззак отправился на охоту. Пришло время привала. Фуззак насобирал валежника, развел огонь и стал нанизывать

куски нарезанного мяса на вертел и при этом, проявив неловкость, уронил вертел на землю, а земля та была белым-бела от солевых отложений. Когда мясо было прожарено, и он приступил к еде, он с удивлением обнаружил, что мясо было настолько вкусным, как никогда прежде. С того времени, как говорят в народе, люди при приготовлении пищи стали пользоваться солью.

В те годы, когда младшие сыновья Яфеса, разошедшиеся по всему миру, только основывали свои первые поселения, между Газыем и Тюрком, которые уже стояли во главе огромных и могущественных государств, вспыхнула война. Причина же ее крылась в следующем. Яфес, отец их, некогда был обладателем чудесного камня, с помощью которого, когда было необходимо, он мог вызывать дождь, а потому те земли, на которых он жил и правил, к радости всего их немалого населения, были на редкость плодородны и никогда не ведали засухи. Газый давно уже приметил то потаенное место, где отец хранил этот камень, и, когда отец умер, он уже был тут как тут. Понимая, что на это чудо, которому поистине не было цены, будут претендовать и прочие его братья, Газый пустился на хитрость – подменил его. Сходил к ближайшему ручью, отыскал камень, походивший на отцовский, и положил его в тайник, ибо камень, обладавший столь волшебными свойствами, на вид был ничем не примечательной галькой, которой усыпаны берега любого водоема. Прибывшие на место братья, ничего не подозревая, начали метать жребий, и чудодейственный камень достался Тюрку, и Газый с дружественными поздравлениями вручил ему ту самую, подмененную им гальку.

Прошло много лет, и вот во владения Тюрка явилась беда. В тот год как будто бы само солнце разгневалось на род человеческий. Палило с небес так нещадно, что по всей земле стали высыхать реки, быстро, на глазах мелели озера, превращаясь в мутные грязные лужицы или болота. Даже от ключей, что изливали свои говорливые и прозрачные струи под сенью дремучих и непроходимых лесов, не оставалось следа. Выгорали и сами леса. Степи, вчера только зеленые и полные жизни, лежали теперь, как будто затянутые пеплом. Природа, люди, животные – все погибало от засухи.

Тогда Тюрк решил, что пора воспользоваться отцовским чудо-камнем, взошел на горный утес, высившийся над его землями, извлек камень из-за пазухи, поднял его к небу и произнес заклинание, слышанное им от отца. Но ни тучки не показалось на небе. Тогда Тюрк повторно возвысил свой голос, который прогремел подобно голосу медных труб, но только знойный ветер, прилетевший из выжженной пустыни, прошелестел сухими, выгоревшими листьями на деревьях. В третий раз проговорил Тюрк заклинание, и опять ничего. Куда ни глянь, как и прежде, все было залито белым, слепящим солнцем, лившимся вокруг подобно расплавленному металлу. Понял Тюрк, что провел его брат. Ведь он сам был свидетелем того, как Яфес, отец их, с помощью этого камня не единожды вызывал дождь, да какой – настоящую грозу, с ливнем, с молниями, с раскатами грома!

Незамедлительно собрал он войско свое и пошел войной на Газыя, коварного брата. Узнав об этом, и Газый двинул навстречу ему бесчисленные рати, поставив во главе их старшего сына своего, Бигуда. Произошла жестокая битва, длившаяся с утра и до ночи, а потом еще день, и еще ночь. И все это время Тюрк, облаченный в латы и с окровавленным мечом в руках, которым уложил немало врагов, погоняя под собою коня, пытался пробиться в самую средину вражеского ополчения, где мелькали царская корона и били барабаны противника. Но когда он,

наконец, добрался, до цели, то вместо брата-обидчика увидел сына его, Бигуда, пронзенного стрелой и умирающего. С горечью посмотрел он на истекающего кровью племянника, на царскую корону, валяющуюся в пыли, и велел войску своему поворачивать обратно. С тех пор вражда и неприязнь между потомками Газыя и Тюрка долго не утихали. Не единожды в течение еще многих столетий сходились они в кровопролитных боях и совершали набеги одни на других.

Одним из преданных сподвижников Тюрка был его брат, Гомари, силач и прекрасный воин. Главной страстью Гомари была охота. Зная об этой черте его, Тюрк выделил ему в управление самый отдаленный надел своего огромного каганата, лежавший на северо-западе, у слияния рек Итиля¹ и Камы. Ибо земля та славилась густыми, дремучими лесами, полными всякого зверья и дичи. Едва только Гомари попал туда, он тут же влюбился в этот дикий и неприхотливый край, в его медлительные, величавые реки, полные рыбы, в его девственные леса, под сень которых еще не ступала нога человеческая, в цветущие поляны, в прозрачные ручьи, звеневшие едва ли не под каждым кустом, и уже никогда не покидал этой щедрой, плодородной земли. Тут он обзавелся семьей, тут же, на обрывистом берегу широкого и сверкающего солнцем Итиля, увидели свет и два его сына, Булгар и Буртас.

Став взрослыми, сыновья его взялись за обустройство родного им края. Обучая людей, что ни день прибывающих к ним в поисках лучшей жизни, валить лес, тесать бревна, добывать и обрабатывать камень, медь, железо, кузнечному делу, они рубили уютные деревеньки, ставили большие и красивые города, обнесенные крепостными стенами. Как и отец, Булгар и Буртас обожали охоту. Ходили с ножом и рогатиной на медведя, добывали лисиц, соболя, горноста. На лесных полянах выращивали рожь, гречиху. Ставили пасеки, изливавшиеся медом и гудевшие дружным пчелиным гулом. Торговали с соседними городами и селами.

Народы, проживающие нынче в бассейне Итиля и Камы, татары и чуваша – их прямые потомки.

¹ Итиль (тюрк.) – Волга.

О НЕБЕСНОМ ВОИНСТВЕ, ИЛИ КАК ДРЕВНИЕ БУЛГАРЫ ПРИНЯЛИ ИСЛАМ (Беляр киши)

Когда-то в древние времена Булгарское ханство состояло в вассальной зависимости от могучего Хазарского каганата¹. Как раз в ту пору о жителях Булгарии и распространилась по всему миру молва, как о людях, получивших невероятное знамение напрямую от самого Всевышнего, и какое знамение!

У хана Булгарии заболела жена. Заболела так тяжело, что, казалось, дни ее были сочтены. Ничто не помогало ей: ни лечение, которым пользовали ее придворные лекари, ни пляски и удары в бубен страшных, вымазанных золою шаманов, ни заговоры и ворожба колдуний, которыми были знамениты близлежащие к столице деревни. Неизмеримая печаль охватила хана. Жена его была молода и такой поразительной красоты, что когда она прогуливалась по дорожкам дворцового сада, соловьи и кенари вились над ней и в восторге заливались трелями, а за ними и все

птицы. Неприветливая ворона и та, перепрыгивая с ветки на ветку, переставала каркать. Грациозные лани показывались из сени деревьев и замирали в ожидании, когда нежная и ласковая рука ее коснется их рожек.

Теперь вот она умирала. Стояла полночь. В окна заглядывали звезды. Хан, сгорбившийся от горя подобно немощному старцу, сидел у ее постели в слабых, мятущихся отсветах масляной лампы. Предсмертные ручейки пота струились по ее заострившимся скулам, по губам ее, трепещущим в горячем бреду. И тут хану доложили, что вместе с торговым караваном из далекого и славного Багдада прибыл некий многоученный табиб². Хан повелел немедленно привести его. Табиб осмотрел больную и взялся за лечение. Не прошло и недели, как ханум пошла на поправку. На щеки ее вернулся румянец, глаза ее заблестели, статное и юное тело снова налилось жизнью. Во дворце только и было разговоров, что ханум посвежела, повеселела, стала прекрасней, чем прежде.

На радостях хан был настолько щедр, что повелел доверху набить кошель ученого золотыми и серебряными дирхемами, и сверх того собственными руками увешал его плечи дорогими, переливающимися, как шелк, собольими и куньими мехами, которые в те времена ценились на вес золота. Тот почтительно поклонился, выразил признательность, однако от даров отказался.

– Чем же я могу еще отблагодарить тебя, о ученейший из ученых? – воскликнул хан в недоумении. – Ведь если бы не ты, мы могли бы лишиться любимой нашей супруги!

– Я только раб Божий, – скромно ответил табиб. – Верно, лечил ее я, готовил необходимые отвары и снадобья тоже я, но к жизни вернул ее не я, а Всевышний, ибо все мы в руках Его.

– Кто же он такой, этот твой Всевышний? – воскликнул хан. – Как же мне отблагодарить Его?

Тут ученый поведал ему о вере в Аллаха, о которой в этих краях уже слышали, но подробностей пока что не знали, прочел ему суры из Священного писания, рассказал о Мухаммеде и прочих пророках, не пожалевших жизни ради установления на земле святой веры, ибо вера та призывала к добру и милосердию, об ангелах, обитающих на небесах, которые по милости Всевышнего нисходят на землю, чтобы помочь больным, гонимым или терпящим бедствие.

И возлюбил хан веру праведную и поспешил принять ее. А вскоре и ближайшие подданные последовали его примеру, и все жители ханства³.

Прослышал об этом великий каган, владыка Хазарии и многих других земель от Волги и до Черного моря, и явился под стены города с огромным войском. Велик и страшен был гнев кагана. Не стал он заходить в город, а послал одного из своих военачальников с такими словами:

– Как посмел ты, о хан, без позволения моего принять веру сию! Разве не я господин твой и владыка? Нынче же разрушу город твой, бревна на бревне не оставлю, страну твою разорю, людей твоих уведу в плен и сделаю рабами!

Испугался хан, ибо не был готов к войне. Ни войско свое не собрал, ни городские стены не укрепил. А были они и вправду деревянные, построенные из бревен. Стоило бесчисленному воинству кагана засыпать их стрелами с подожженным трупом и пойти на штурм, спасти город было бы уже невозможно.

– Не бойся, о хан, – промолвил табиб. – Будем молиться. На все воля Аллаха, на все милость Его.

И стали на молитву хан и его приближенные, и воззвали к Аллаху, и поклонились Ему, и пали на лбы свои, а великий каган, услышав призывы к молитве, доносившиеся из-за городских стен, вышел из шатра своего походного, шелкового, вознесшегося под самые небеса и окруженного телохранителями, и с ненавистью указал на город:

– Вперед, о доблестные воины! Готовьте тараны, готовьте ваши мечи и копья. На три дня и три ночи отдаю вам на разграбление это гнездилище изменников. А после сжечь его и пеплом развеять, чтобы и памяти о нем не осталось!

Но не успел он договорить, не успел поднять руку, сияющую дорогими камнями, как над станом его пронесся ветер ужасающей силы, а вверху, высоко в небе, разрывая и развеивая в прах гряды облаков, показался огромный крылатый воин, летевший на колеснице. Доспехи его пылали, как солнце. Огромные крылатые кони его опускались все ближе и ближе и вдруг пронеслись так низко, что едва не задели верхушки шатра подбитыми железом копытами. Яростью горели глаза небесного воина, из разверстого рта его неслись вопли, подобные раскатам грома, в руках его сверкал меч. Взмахнул он этим мечом, и повалился царский шатер, полоща на ветру разодранными шелками и бархатом, взмахнул еще раз – и выкатился из шатра царский трон, блестя золотыми боками, и повалился в пыль. И еще тьма воинов, расправив крылья и размахивая мечами и копьями, вынеслась из-за облаков, и небо, казалось, смешалось с землей, и пронесся по земле такой вихрь, что разметало все войско хазарское. Когда же утихло все, поднялись перепуганные хазары, похватили оружие, лежавшее то там, то здесь, и стали ловить разбежавшихся по полю коней, а поймав, пустились прочь от страшного этого города.

– О, таиб, что это было? – проговорил хан, застывший в изумлении посреди народа своего на площади перед дворцом и видевший все это собственными глазами.

– Небесное воинство, о хан. Великое воинство Аллаха.

– Не к добру, не к добру это, – бормотал последовавший за побежавшим войском своим великий каган, вобравший голову в плечи и трясущийся от ужаса на не желавшей слушаться его лошадке. – Какое дурное, какое страшное предзнаменование!

Не ошибся каган. Прошло совсем короткое время, и вторгся в пределы царства его могучий враг, и разорил города его, и взял крепости его, и разбил войско его, и пало государство Хазарское, и перестало существовать.

– Теперь вы народ знающий, беляр киши, – сказал, покидая Булгарию, ученый таиб. – И да пребудет с вами Аллах, лучший из покровителей.

Так и распространилась по всему миру весть, что Великая Булгария – царство людей знающих, получивших великую милость от самого Всевышнего. Так и говорили: булгар киши – биляр киши. То есть народ, познавший сокровенное. А вскоре и столица Булгарии получила наименование Беляр.

¹ Хазарский каганат, некогда занимавший огромную территорию между Черным и Каспийским морями и состоявший в основном из тюркских племен, в результате арабской экспансии пришел в упадок, но остатки Хазарии еще некоторое время продолжали существовать между нижним течением Волги и Доном. В 969 году киевский князь Святослав, не раз сходившийся в битвах с хазарским каганом, в союзе с племенами огузов окончательно разгромил войско хазар и овладел столицей Хазарского каганата городом Итиль. Что касается этнонима Булгар,

то, согласно историческим данным, оно было известно тогдашнему цивилизованному миру намного раньше описываемых в предании событий. Сирийский историк III века Мир Аббас Катини и армянский летописец и ученый Моисей Хоренский, живший в середине V века, в записях своих отмечают, что севернее реки Кубань проживает много племен тюрков и булгар: Купи Булгар, Дучи Булкар, Окхондор Блкар, Чдар Болкар.

² Историческим годом принятия ислама булгарами принято считать 992 год.

³ Табиб – врач, лекарь (тюрк.).

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКАНАХ (Зур гаудале киши)

В середине XX века археологами при раскопках некоего ближневосточного городища было обнаружено письмо, написанное на нескольких кусках пергамента арабскою вязью. Пергамент этот во многом истлел, буквы было не разобрать: где-то они стерлись, где-то были изъедены грибом, и ученым понадобилось немало месяцев терпения и самого кропотливого труда, чтобы восстановить текст. Но то, что они прочли, стоило этих стараний¹.

«Однажды до меня дошел слух, – писалось в письме, – что во владениях болгарского хана некогда жили исполины – люди необычайно огромного роста. Когда я прибыл в эту страну с купеческим караваном, то расспросил об этом у самого повелителя Булгарии, всемилостивейшего хана, оказавшего нам честь и принявшего нас с немалым почетом. Ибо в стране этой всегда относились с уважением к купцам и путешественникам, являющимися подданными Великого Халифата. И вот что поведал хан, когда после гостеприимного застолья мы вышли прогуляться по тенистым дорожкам дворцового сада: “Да, были у нас исполины. Но теперь их нет. Появились же они у нас вот как. Однажды водами Итиля прибыли к нам на парусных судах купцы из дружественной нам Персии, и только взялись они за разгрузку, как на берегу появились эти самые невиданные доселе, огромные и до смерти перепугавшие их существа, вышедшие из леса. Купцы бросились сюда, во дворец, чтобы сообщить об этом. Их необычайная взволнованность передалась и мне. Отдав приказание собираться войску, в окружении свиты, я немедленно отправился на причал. И там, на берегу Итиля, нашему взору предстали люди поистине небывалого роста и мощи. В высоту они достигали не менее одиннадцати или двенадцати локтей, что составляло три-четыре человеческих роста. Головы их были огромны, как самые вместительные казаны. Лица волосаты, глаза ввалены и чрезвычайно большие. Они высились над нами, косматые и заросшие, словно ожившие горные утесы. Вид их вселял ужас даже в самых отважных из нас, я видел, как побелели лица моих военачальников. Набравшись духа, мы начали переговоры. Но они только молчали, глядя вокруг встревоженно и исподлобья. А когда подошло наше войско и окружило их, направив на них копыя и стрелы, знаками руки я повелел им вернуться туда, откуда они прибыли. Прибыли же они, как я полагал, из самых далеких и малообитаемых земель, лежащих на северо-западе, где солнце, завершая свой путь, укладывается на ночь. В той стороне проживает народ Вису². Я был знаком с их правителем, конунгом. И после того, как они исчезли в лесу, вернувшись во дворец и понемногу успокоившись, я написал конунгу письмо с просьбой рассказать все, что ему известно, об этих гигантах.

Прошло время, и я получил свиток, в котором правитель страны Вису обстоятельно отвечал мне, что существа эти принадлежат народам Яжуджи и Мажуджи³.

Живут они за морем, в пещерах или берлогах, как дикие звери. Питаются сырым мясом или даже падалью. Ибо не знают ни радости чистоты, ни благодати огня, ни света знаний. Охотники они неумелые, хозяйство не ведут, и когда им совсем нечего есть, Всевышний Господь, создатель всего живого, в том числе и этих существ, жалея их, как родитель жалеет неудавшееся дитя, посылает к их берегам огромную рыбу, и каждому из этих существ позволено отрезать от этой рыбы ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Но смерть у них частая гостья. Время от времени в народе их, живущем в грязи, холоде и голоде, случается великий мор. Страна их находится от нас в трех месяцах пути, сообщал конунг, если выйти в открытое море и плыть в западном направлении. Но время от времени в поисках пищи добираются они к нам и из-за гор, высоких и покрытых ледниками и снеговыми шапками, что огораживают наше государство с севера. Так что можно полагать, что земли, на которых они обитают, чрезвычайно обширны.

Один из этих великанов, – продолжал рассказывать хан, – через какое-то время вернулся, и я позволил ему остаться, полагая, что один, без поддержки прочих своих ужасных соплеменников, он не принесет большого урона, и позже горько об этом пожалел”.

“Какой же он был из себя?” – полюбопытствовал я, и хан сказал: “Страшное это было существо. Непонятное. Какое-то время он жил в городе. Взглянет на него младенец и тут же умрет. Посмотрит он на беременную женщину, и та потеряет плод свой. А бывало и так. Повздорит с кем-либо и уже не отпустит. Схватит, захрипит от ярости, стиснет своими огромными руками и будет давить, давить, пока не задавит до смерти. Так он убил нескольких моих подданных, и я повелел повесить его в лесу. Если ты желаешь увидеть его останки, я могу показать их”. Я с радостью согласился: “О, Аллах, я бы хотел непременно увидеть их”.

Мы оседлали коней и отправились в лес. Он подвел меня к огромному дубу. У подножия дерева лежал череп того великана. Размером он был, наверное, с бочку. Ребра были похожи на высохшие ветки пальмы. Тазовые кости его, как два огромных боевых щита, белели в высокой траве вперемешку с костями рук и ног. Я только выразил изумление, и мы поехали прочь».

-
- ¹ В 922 году, когда болгары приняли ислам, посланец Багдадского халифа Аль Муктафира по имени ибн Фазлан, секретарь посольства, описывал этот случай в своих записках о путешествии по Волге и Великой Булгарии.
 - ² Вису – финское племя, проживавшее на берегах Балтийского моря. Предки нынешних вепсов.
 - ³ Яжуджи и Мажуджи (Гог и Магог) – мифические народы. Согласно мифам, описываемым в Коране, Александр Македонский, именующийся на его страницах как Зуль Карнайн, отлил из меди высокую стену и отгородил этот дикий народ от всего остального мира. Когда наступит конец света, стена рухнет, и народы эти вырвутся на свободу и кинутся уничтожать все на своем пути.

БУЛГАРСКИЕ БОГАТЫРИ (Булгар пехлеваны)

Однажды арабский ученый и путешественник Абу Хамид аль Гарнати, прогуливаясь по улицам столицы Булгарии, увидел огромную женщину ростом около семи локтей. Немало удивленный, он поинтересовался у сопровождавшего его местного кадия, кто эта женщина, и вот что им было записано по этому поводу:

«Кадий Якуб бин Нугман поведал, что огромная, как гора, женщина, проживавшая в Великом Булгаре, убила своего мужа». И вот что было еще рассказано достопочтимым кадием. Будто бы ребенком он собственными глазами видел нескольких таких гигантов. «Я думаю, – говорил кадий, – что люди эти являются потомками народа Гад времен пророка Худа. Служили они в нашем войске. Сам великий хан милостиво приблизил их ко двору и всячески опекал. Умелыми нашими кузнецами были выкованы для них невероятных размеров воинские кольчуги, латы и шлемы, а боевые дубины их были обиты огромными металлическими шипами. На поле боя этих богатырей привозили на арбе невероятных размеров. Ибо не существовало в природе ни одного коня или даже верблюда, которые были бы способны выдержать их вес.

Сражались же они теми самыми дубинами, обитыми шипами. Эти дубины были такой тяжести, что никто из людей не в силах был оторвать их от земли. Обычные мечи и палицы, которыми пользовались нормальные воины, в их руках выглядели как жиденькие тростинки. Когда враги видели их выступающими впереди воинства, они приходили в ужас. А если все же осмеливались вступить в сражение, очень скоро бывали разбиты и бежали с позором».

Вот еще несколько любопытных строк этого арабского путешественника, которые дошли до нашего времени:

«Писано в 520 году хиджры (в 1135 году по нашему летоисчислению) в Великой Булгарии Абу Хамидом Аль Гарнати.

Даже имея такой рост и силу, выглядели они добродушно, – читаем мы древние, полустершиеся строки. – Нрава и характера приятного. Однако можно ли поверить, чтоб люди могли достигать такого необыкновенного роста?

По приезду в Булгарское ханство, – пишет далее путешественник, – я видел собственными глазами одного из потомков народа Гад. В высоту он был более 7 локтей. Звали его Дофгый. Как человек, несущий под мышкой ребенка, он был в состоянии носить под мышкой лошадь. Рассказывают, что какое-то время назад на границах Булгарии вспыхнула война, и этот Дофгый, вырвав из земли дуб, крушил им врагов с такой легкостью, как будто в руках у него была обычная дубина, и попадись ему в эти минуты слон, он бы и слона прибил.

Человек же он вполне благовоспитанный. При встрече, которая по моей просьбе была устроена достопочтимым кадием, огромный этот богатырь приветствовал меня со всею учтивостью, оказывая все знаки внимания, полагающиеся в обращении со старшими. Когда мы пожимали друг другу руки, он поклонился мне, я же тюрбаном своим едва достигал его пояса. Та женщина, о которой я уже упоминал как об убийце ее мужа, оказалась его сестрой. Выяснилось, что произошло это случайно, в постели. В порыве любовной страсти она помяла его настолько, что под утро он умер. Бедная женщина горько сожалела об этом, ибо искренне любила его и до конца жизни не могла забыть.

Дом Дофгья и его сестрицы, срубленный из толстых тесаных бревен, с резными наличниками на окнах, был самым заметным в городе, ибо возносился под самые небеса, подобно стенам мечети. Такой же огромной была и баня на заднем дворе, с тяжелой дубовою дверью, обитой железом, больше напоминающей конюшенные ворота. Говорили, будто бы постройкой их дома по поручению самого хана занимались лучшие мастера, какие только нашлись, а руководил ими дворцовый зодчий».

ПРЕДАНИЕ О СВЯТОМ ИСТОЧНИКЕ

В древности в столице Булгарии в тени березовой рощицы изливался из-под земли знаменитый ключ с целебной водой, называемый источником Туйбике. Рассказывают, что появлением своим он обязан был трем арабским отшельникам, известным своей святостью, одного из которых звали Забар бин Тольке, другого Забар бин Джедге, третьего Абд-ур-рахман, проводившими дни и ночи в благодати постов и молитв на окраине города Медина у могилы Пророка. Однажды им троим приснился один и тот же сон. Будто бы восставший из праха Пророк Мухаммед, да будет доволен им Аллах, вручил каждому из них по посоху, повесил им на пояс по чернильнице с пером, которые указывали бы на их ученость, повязал на головы их тюрбаны из зеленого полотна в знак того, что носители их являются хаджи, паломниками, коснувшимися стен великой мусульманской святыни Каабы, что имеет пребывать в небызызвестной Мекке, и произнес следующее:

– О, верные ученики мои. Вам следует отправиться в долгий и нелегкий путь в страну первозданных лесов, в город Великий Булгар, что на реке Итиль. По прибытии же представьтесь табибами и ждите у ханского дворца, пока вас не призовут. И да свершится милость Аллаха и к вам, о возлюбленные мои, и к жителям этого славного государства!

Долго добирались сахабы¹ в Великий Булгар, преодолевая с купеческим караваном и выжженные солнцем пустыни, и горы, и степи, и зеленые долины, и шумные города, посетив по пути не одно государство, пока, наконец, под звон медных колокольчиков, повязанных на шею верблюдов, не прибыли они, куда им было повелено.

Великий Булгар в те времена славился как один из крупнейших и необычайно богатых городов. Кого только не было на его оживленных, многоголосых базарах, улицах, площадях, на пристани у реки, полной различных судов, белеющих парусами! Остановились они на окраине города в одном из многочисленных караван-сараев. После продолжительного пути, на мягких войлочных коврах, которыми были выстланы полы и ложа в гостиных, возлежали, отдыхая или подкрепляясь горячей пищей, которая готовилась тут же, во дворе, на огне и в дыму очагов, купцы и путешественники со всего мира: и из стран запада, за сумеречными лесами которых солнце укладывается на ночлег, и с лучезарного китайского или индийского востока, и с юга, из сказочной Персии или из владений Багдадского халифа, и даже с севера, где люди проживают в домах изо льда и одеваются в звериные шкуры. У городских ворот ни на мгновение не умолкал рев верблюдов, ослов, мулов, груженных самыми удивительными товарами: сладостями, специями, кулями с рисом, рулонами драгоценного шелка, тончайшей фарфоровой посудой, изысканными коваными изделиями из меди, золота, серебра. Из конца в конец по всему городу высились и уходили в небо украшенные резьбою хоромы богатеев, торговые лавки. День и ночь по улицам сновали люди: местные, иноземцы в непривычных, а порой и до того причудливых одеяниях, которые и во сне не увидеть.

И угодно же было такому случиться, что когда сахабы оказались у ханского дворца, на ступени его вышел глашатай и стал призывать: «Имеющий уши да услышит! Имеющий глаза да увидит!» – и возвестил о неведомой, страшной болезни, постигшей единственную ханскую дочь, и о том, что великий и всемогущий

хан обещает тому, кто излечит ее, отдать ее в жены и наградить неисчислимыми богатствами.

– Есть ли среди вас такие, кто обладает искусством врачевания? – заключил речь глашатай.

– Есть, – ответили сахабы и, опираясь на страннические посохи, выбрались из толпы.

Глашатай и стражники повели их во дворец и представили пред очи властителя.

– О, великий, – поклонились сахабы. – Мы хотя и обладаем некоторыми способностями к врачеванию, но мы только люди. Позволь нам воткнуть наши страннические посохи в землю, чтобы получить знак свыше. Чей посох оживет и покроется листьями, тот и удостоится милости от Всевышнего Аллаха взяться за лечение юной ханум.

– Да будет так, – повелел хан.

Окруженные толпами любопытных, выбрались святые странники на улицу, помолились и воткнули свои посохи в землю, недалеко от дворца, и вот посох самого молодого из них, которого звали Забар бин Тольке, к удивлению собравшихся, зазеленел, зашумел ветками, листьями и на глазах у всех превратился в юную, тонкую березку. Но чудеса на этом не закончились. Из-под корней дерева, журча и сверкая невиданно чистой водою, забил ключ.

– О, великий, – поклонились сахабы, обращаясь в хану, – вот этот человек, кому доверено Всевышним лечение вашей дочери.

К новоявленному источнику привели ханум. Она была так слаба, что ее придерживали под руки несколько прислужниц. Тощая, согнутая неизвестной болезнью, она стыдливо прятала пожелтевшее и опавшее лицо свое, более похожее на лицо старухи, в бесчисленные покрывала, в которые куталась.

Забар бин Тольке попросил людей отвернуться, омыл несчастную водой, прочел над нею молитву, и когда народу вновь было дозволено лицезреть дочь своего повелителя, ее было не узнать. Девушка ожила, она вернулась к жизни, подобно тому, как ожил и зазеленел сухой и отполированный до блеска руками странника дорожный его посох. Из умирающего, согбенного и высохшего существа на глазах у всех она вновь превратилась в красавицу, которая некогда вызывала восхищение у всякого, кто ее видел; глаза ее загорелись, плечи и грудь горделиво приосанились, щеки покрылись румянцем, нежным, тонким, каким в пору созревания алеет яблоко, прячась в зелени листвы. С возгласом радости бросилась юная ханум в объятия своего старого, прослезившегося от счастья родителя.

Надо ли говорить, что Туйбике и Забар бин Тольке, как и было обещано ханом, поженились, дожили до глубокой старости и в окружении многочисленных детей и внуков покинули этот мир счастливейшими из людей.

От березки той, что удивительным образом была порождена из страннического посоха, со временем разрослась небольшая светлая рощица. А в нескольких шагах от источника, прозванного в народе именем Туйбике, под сенью березовых листьев, потянулась ввысь стройными рублеными стенами прекрасная мечеть.

Неисчислимому количеству больных и немощных принесла исцеление вода этого источника, паломничество к которому не прекращалось не одно столетие, вплоть до тех трагических дней, когда город был разрушен ордами завоевателей.

Существует и другая версия этой легенды, согласно которой ожили и превратились в березки посохи всех троих прибывших в Великий Булгар странников². Из прутьев этих березок праведники связали веник, попарили умирающую в бане, отчего та и выздоровела. Принимая во внимание, насколько популярна в татарском народе баня, – вы не встретите ни одного двора ни в одной даже самой захудалой деревеньке, чтобы на задах его не чернело этого небольшого и пропахшего распаренными вениками бревенчатого сооружения, – версия вполне закономерная.

Из этого второго варианта становится известным имя хана – Айдархан, и что дочь его Туйбике и Забар бин Тольке, которых он поженил, прожили в любви и согласии 25 лет. Ключ же стали почитать святым, и вода его, как говорят в народе, помимо того что обладала целительными свойствами, была еще и невиданно сладкой.

Нынче от этого источника ничего не осталось, даже кучки камней, в которых он когда-то журчал, как не осталось и самого Великого Булгара, давно уже превратившегося в руины и поглощенного землей и лесом.

¹ Сахабы – сподвижники и ученики пророка (араб.).

² Вторая версия записана Н. Ибрагимовым в 1973 году в городе Куйбышеве (нынешняя Самара) со слов местной жительницы Фатимы-апы.

ПЛЕМЯ БЕЛОЙ ВОЛЧИЦЫ (Ак буре ырыуы¹)

Известно два довольно распространенных варианта легенды о происхождении тюрков. Первый – как враги уничтожили некое племя, а последнему из племени, девятилетнему мальчику, отрубили руки и ноги и бросили умирать в болотные камыши. Мальчик выжил, спасла его волчица, вылизав ему раны и выкормив своим молоком. Скоро мальчик превратился в юношу. Волчица воспылала к нему любовью и понесла. Враги же, узнав, что мальчик вырос и жив, вернулись и убили его. Волчица бежала на Алтай, в горы, и там, в одной из пещер, произвела на свет десятерых детей. От них и пошли тюрки. Согласно другому варианту, детей было четверо.

Есть еще один вариант, казахский, менее известный, в котором мать успела укрыть грудного ребенка от напавших на аул врагов под перевернутым казаном. Когда враги покинули вырезанный до последнего человека аул, ребенок выполз. К вечеру его нашла волчица, выкормила его, и от этого мальчика и волчицы пошел род тюрков, а от тюрков пошло множество тюркоязычных племен, в том числе и казахских.

И вот перед нами татаро-булгарский вариант, который, в свою очередь, тоже делится на два варианта.

* * *

Говорят, в древности леса были не такие, как нынче. Они были высокие, темные, непроходимые, и не было им ни конца ни края. Косматые вершины деревьев пропадали далеко в небе, а кустарники и плющи, опутывающие их, были настолько густы, что тропы приходилось прорубать топором. В одном из таких лесов и обитало некое небольшое племя.

Во главе его стоял вождь по имени Актемир. Дочь его, Энже, была замужем за первым воином племени Беркутом, прозванным так за необыкновенную силу и удаль, а еще за то, что когда он потрясал копьем либо в бою, либо у ночного костра, когда мужчины племени пускались в ритуальные пляски, ведомые шаманом, стучавшим в бубен и кружившим во власти неких потусторонних сил, звериная шкура на плечах Беркута подымалась, как крылья, и этот достойный воин и впрямь начинал походить на грозную птицу. И был у них ребенок, который только-только пробовал вставать. «Ма-ма», – лепетал он неуклюже, ползая на четвереньках, и с таким выражением в чистых, распахнутых глазках, как будто и сам удивленный тому, что у него получалось. И дед его, мудрый и славный Актемир, и мать, и отец – все были в восторге от этого малыша.

– Скажи: дед, дедушка, – уговаривал его старик, садясь перед ним на колени. – Это я, я, твой дед! – и показывал рукою на грудь, увешанную косматою бородой.

– Ма-ма! – произносил ребенок, теребя его за бороду, и все весело хохотали.

– Скажи: папа! – требовал отец.

Но дитя опять за свое:

– Ма-ма, – и опять все покатывались с хохоту.

– Олененок мой! – Энже радостно подхватывала ребенка на руки и уносила с ним по хозяйственным делам, которых у женщин всегда было невпроворот.

Люди этого племени жили в хижинах, сложенных из камня и веток. Заросшие травой и кустарником, они мало походили на жилище человека. С севера над селением высилась горная гряда, вершины которой белели снеговыми шапками. На юге, выделяя смрадные запахи, лежали болота. Из болот выползали змеи. Над селением зудели мошка и комары. Соседство было не из приятных, но болота не раз спасали жителей племени от вражеских набегов. Не ведавшие тайных проходов враги нередко тонули в трясине, выкрикивая свои предсмертные проклятия.

Волки и медведи забредали в селение в поисках легкой добычи. В ветках деревьев таились рыси, охотившиеся на коз, которых разводили селяне. Лисы воровали кур.

Однажды Энже понадобилось пойти по воду. Ручей, которым пользовались селяне, протекал в неглубокой лощине, журча и голубовато поблескивая сквозь густую, укрывавшую ее листву. Молодая женщина оставила ребенка на берегу в тени березы и пустилась к ручью. Вдруг она услышала плач. Сердце ее заколотилось. «Мой мальчик!» – подумала она и бросилась вверх. Увидев огромную, матерую волчицу, обнюхивающую ее дитя, она окаменела от ужаса. Зверь обернулся, зарычал, схватил зубами ребенка и в несколько прыжков скрылся в чаще.

На крики несчастной сбежались люди. Мужчины, вооружившись луками, копьями и дубинами, тотчас двинулись по следу разбойника. Три дня и три ночи пропадали они в лесу, разорили не одно звериное логово, но ребенка так и не обнаружили.

Горю родителей не было предела.

Прошли годы. С потерей сына Энже покинула и молодость, и красота. Никто в селении не видел, чтобы Энже чему-нибудь смеялась или хотя бы улыбка на миг-другой озарила ее лицо, развеив выражение глубокой и неизбывной печали, залегшей в ранних ее морщинах.

Однажды Беркуту привиделся сон, будто бы некий юноша вышел из леса и постучал им в окошко. Над губой его пробивалась легкая растительность, руки и ноги были налиты мускулами, совсем как у настоящего воина. Он что-то говорил. Лицо его было встревожено. Беркут его не слышал и все повторял: «Что? Что ты говоришь? Кто ты такой?» – и вдруг взгляд его остановился на родимом пятне, что темнело у него на шее. Такое же пятно было и у их пропавшего ребенка. «Сынок!» – закричал он и хотел было выбежать, но юноша вдруг обернулся голубем, отчаянно вскрикнул и улетел, едва только задев крыльями по окошку.

Утром Беркут все рассказал жене. Стояла осень. По лесу носилось карканье ворон. За окошком старый, наполовину облетевший дуб звучно ронял на заиндевелую землю, усыпанную листьями, последние желуди. По низеньким каменным стенам жилища дрожали холодные пятна света, а по лицу женщины текли слезы.

– Боги милостивы, – утешал ее муж. – Может, и вправду найдется, – хотя и сам давно уже потерял на это всякую надежду.

Собрав надлежащее угощение, он отправился к шаману.

– Ребенок обратился в голубя и улетел – это плохо, – сказал шаман, сидя в темном углу своей хижины. Черный от старости, шамкающая замшелым проваленным ртом, он поднялся, покружил, окуривая пришедшего травяным дымом, потом побил над головой его в бубен и скупое закончил: – Дитя свое увидишь, и очень скоро, но радости не будет, будет горе.

В смятении вышел от него Беркут. Ничего не сказал жене. Весь день проходил он мрачный, с подомкнутым ртом, насупив густые орлиные брови.

Через неделю выпавший снегопад пышно и белым-бело опушил ветки деревьев, кустарники. По просекам легли первые сугробы, ударили морозы. Мужчины стали готовиться к охоте. Самое время запастись дичью. За лето зверь вволю нагулял жиру, а по следу, когда снег еще не глубок, преследовать добычу одно удовольствие.

Выйдя за границу болот, очень скоро охотники набрали на следы волчьей стаи. Значит, где-то неподалеку должно быть и семейство оленей. Для волка в зимнее время олень главная пища. Следы завели их в темную дремучую чащу, в которой им еще не приходилось бывать. Мужчины приготовили стрелы, натянули луки.

Здесь охотники обнаружили еще одни следы, которые не походили ни на волчьи, ни на оленьи, ни на какие другие.

– Странно, что это за зверь такой, – удивились охотники.

Следы эти, перемежавшиеся с волчьими, привели их к глубокому, густо заросшему оврагу. В таких оврагах, в промоинах от весеннего половодья, укрытых колючим и непроходимым терновником, волки обыкновенно устраивают свои логовища. Охотники разошлись, чтобы взять это место в кольцо. Беркут вскинул наизготовку лук. Шел, проваливаясь по колено в легкий, слепящий снег и прислушиваясь к каждому шороху, к каждому птичьему крику. Птицы, завидев хищника, всегда поднимают переполох.

В зарослях, в глубоком снегу, на самом дне оврага быстрыми серыми тенями метнулась пара волков и тут же пропала, через какое-то время показался третий, матерый, злобно и угрожающе ощерился, показал внушительные клыки и тоже исчез, как будто сквозь землю провалился. Беркут натянул тетиву, приготовился к

выстрелу. Кругом уже всюду каркали вороны. Пронзительно, страшно закричала какая-то птица. И вдруг впереди, роня огромные снежные комья, из зарослей поднялось неведомое существо, зверь не зверь, человек не человек, и существо это, вздыбившись подобно медведю, грозно, с ревом двинулось на него. Беркут выстрелил, схватился за нож, чтобы вступить в борьбу, как услышал: «Мама! Мама!» Существо простонало горько, жалобно, совсем по-человечески. В глазах у Беркута помутилось. Он бросился к повалившемуся набок существу, явно испускающему последнее дыхание. Им оказался юноша, тот самый, что являлся ему во сне, с головы до ног одетый в звериные шкуры. Не веря в происходящее, Беркут начал торопливо отворачивать шкуры, как вдруг на шее, залитой кровью, увидел темное и до боли знакомое родимое пятно.

– О небо, я убил собственного ребенка! – возопил он, падая колени. – Я убил сына!

Страшный крик его громом прорезал мрачную вековую тишину старого леса.

Похоронили юношу на родовом кладбище, за селением. Вскоре умерла и мать его, Энже. Сердце ее не вынесло повторной потери. По ночам на кладбище выли волки, прибежавшие, казалось, со всех лесных уголков, чтобы оплакать гибель ставшего для них родным юноши. Их долгий и безутешный вой еще многие годы разносился по округе, пугая людей и животных, и о племени том стали распространяться слухи, будто бы покровительницей его является некая небесная волчица, от которой оно и ведет свой род, и племя то охраняют волки, самые настоящие, лесные, с которыми люди имеют какую-то таинственную, сверхъестественную связь, и стали их называть «сыновьями белой волчицы», то есть – небесной, а еще тюрками, потому что отличались они необычайной силой и выносливостью.

* * *

Вторая версия сообщает о некоем затерянном в непроходимых лесах племени, у вождя которого в далеком прошлом пропал ребенок. Однажды охотники этого племени обнаружили в лесу одичавшего и почти позабывшего человеческий язык юношу, одетого в звериные шкуры. Его привели в селение. Вождь и жена его, к тому времени довольно состарившиеся, по понятной причине не могли с уверенностью опознать во взрослом молодом человеке сына, но не могли утверждать и обратного, а потому решили принять его, как родного. Парень был сильным, крупным и совершенно неприспособленным к жизненным условиям, совсем как зверь. Мог ночевать в снегу, укрывшись всего лишь еловой лапой, ходил на охоту с одним только ножом, добычу – оленя или кабана приносил на плечах. И жители селения прозвали его Тюрком, то есть крепким, стойким. Прошло около года. Однажды зимней ночью, сидя у окошка и наблюдая разыгравшуюся выюгу, он услышал далекий волчий вой.

Выражение лица у юноши поменялось. Он взволнованно упал на колени перед старым вождем и сказал:

– Мне надо домой, там у меня мать. Ей плохо.

– Так вот он, твой дом, – сказал старик, обводя руками низкие, закопченные каменные стены жилища, – а вот мать твоя, – добавил он, указывая на жену, притихшую от растерянности старуху.

– Мой дом там, в лесу, – ответил на это Тюрк, – а мать – седая волчица. Слышите, она тоскует.

И он ушел.

Прошли годы. В лесу, неподалеку от волчьего логова, где его когда-то подобрали охотники, юноша построил жилище, такое же, как у людей, установил тотемный столб, вырезав на нем изображение матери-волчицы, которая ушла из жизни вскоре после того, как увидела его в последний раз. Землю вокруг столба собираясь на охоту, согласно обычаям того времени, он окроплял молоком козы, а возвращаясь, кровью добычи. Проводил обрядовые танцы. Женился на девушке из селения. Появились дети, которым, как и отцу, были не страшны ни холод, ни голод, ни дикость отшельнической жизни.

Тюрками стали именоваться и дети его, и внуки его, и все народы, большие и малые, которые пошли от них и стали распространяться век за веком по всем необозримым просторам сначала Азии, а после и Европы.

¹ У тюркских народов слово «ак», в переводе «белый», в определенных случаях несет трансцендентную окраску и означает «небесный», «неземной», то есть священный, как в случае с именем волчицы «Ак буре», так и в случае с именем вождя мифического племени «Актемир» – «Белое железо», означающим человека, мужчину железной твердости и небесного происхождения.

В декабре 2021 года отмечают:

80-летие

Мадихан ОМАРОВ, *прозаик*

70-летие

Жанболат АУПБАЕВ, *прозаик*

Бубишхан ТИКЕБАЕВА, *поэт*

Онласын АМИРКУЛОВ, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

